

Александр Готов

Государственная высшая профессиональная школа в Холме

Жизненные ценности в контексте литературного процесса

Абстракт

Общественный статус автора литературных произведений как некоей параллельной, вымышленной действительности является очевидным исключением в парадигме социальных ролей любого общества. Вне зависимости от времени и места литературного процесса сами произведения литературы служат пражде всего объектом для нравственных, психологических и эстетических рефлексий. Большинство существующих педагогических концепций рассматривает литературу именно как плацдарм для дидактической, прежде всего – воспитательной, работы. Вместе с тем доминантной идеей воспитания вегда было достижение жизненного успеха. И здесь возникает вопиющее противоречие между дидактическим кредо «человека разумного» (*homo sapiens*) и фактическим положением «человека пишущего» (*ἀνθρωπος γραπτός*). Большинство писателей, с античных времен до современности, не были образцом моральности, не достигали материального успеха, более того – и не стремились к этому. Перечень драматических судеб Эзопа, Овидия, Байрона, Боккаччо, Вийнона, Вольтера, Верлена, Гофмана, Пушкина, Достоевского и многих других классиков мировой литературы вызывает мысль о том, что литераторы, творя этический и эстетический идеал, свою собственную биографию очевидным образом проживали вопреки написанному. Сопоставительный анализ историко-литературного материала подтверждает, что даже примеры относительно благополучных писательских жизнеописаний (Вергилий, Гораций, Гете) парадоксальным образом сопровождают идею того, что творческой личности, «человеку пишущему» житейское благополучие скорее противопоказано.

Ключевые слова: *literatura, автор, социальный статус.*

Abstrakt

Status społeczny autora dzieł literackich jako rodzaj równoległej, fikcyjnej rzeczywistości jest oczywistym wyjątkiem w paradygmacie społecznych ról każdego społeczeństwa. Niezależnie od czasu i miejsca procesu literackiego, same dzieła literackie służą przede wszystkim jako przedmiot refleksji moralnej, psychologicznej i estetycznej. Większość istniejących koncepcji pedagogicznych traktuje literaturę jako odskocznnię do pracy dydaktycznej. Jednak dominującą ideą edukacji zawsze było osiągnięcie sukcesu w życiu. I tu pojawia się jaskrawa sprzeczność między dydaktycznym credo „rozsądnej osoby” (homo sapiens) a faktyczną pozycją „osoby piszącej” (ἀνθρωπος γραπτῶς). Większość pisarzy, od czasów starożytnych po czasy współczesne, nie była modelem moralności, zresztą nie osiągnęła materialnego sukcesu – i nie dążyła do tego. Lista dramatycznych losów Ezopa, Owidiusza, Byrona, Boccaccia, Villona, Voltaire’a, Verlaine’a, Hoffmanna, Puszkina, Dostojewskiego i wielu innych klasyków literatury światowej przywołuje myśl, że pisarze, tworząc etyczny i estetyczny ideał, swoją własną biografię oczywiście żyli pomimo tego, co zostało napisane. Porównawcza analiza materiału historycznego i literackiego potwierdza, że nawet przykłady stosunkowo dobrze prosperujących biografii pisarza (Wergiliusz, Horacy, Goethe) paradoksalnie towarzyszą idei, że sukces życiowy dla osoby twórczej jest przeciwwskazany.

Słowa kluczowe: *literatura, autor, status społeczny.*

Abstract

The social status of an author of literary works as a kind of a parallel, fictional reality is the obvious exception in the paradigm of the social roles of any society. Regardless of the time and the place of the literary process, literary works themselves serve primarily as an object for moral, psychological, and aesthetic reflections. Most of the existing pedagogical concepts consider literature precisely as a springboard for didactic, and first of all educational, work. However, the dominant idea of education has always been the achievement of success in life. And here a glaring contradiction between the didactic credo of the "reasonable person" (homo sapiens) and the actual position of the "writing person" (ἀνθρωπος γραπτῶς) arises. Most of the writers, from ancient times to modern times, were not a model of morality, did not achieve financial success, and did not even strive for it. The list of the dramatic fates of Aesop, Ovid, Byron, Boccaccio, Villon, Voltaire, Verlaine, Hoffmann, Pushkin, Dostoevsky and many other classics of the world literature evokes the idea that the writers, creating an ethical and aesthetic ideal, lived their

own biography obviously contrary to what was written. A comparative analysis of the historical and literary material confirms that even the examples of relatively prosperous writers' biographies (Virgil, Horace, Goethe) paradoxically accompany the idea that "human well-being" is rather contraindicated for a creative person, a "writing person".

Key words: *literature, author, social status.*

Любое сообщество, от племени до государства, получает шанс на существование только в том случае, если члены этого сообщества имеют достаточно сильную мотивацию успешной реализации себя как индивида и как участника социума. Лучше быть здоровым и богатым, чем учителем средней школы. Никто из родителей не стремится к актуализации для своего отпрыска мечты о карьере креативного дворника в престижном районе с хорошо структурированной помойкой. И подавляющее большинство образовательных концепций построено, как правило, на формировании некоего позитивно мотивированного образа жизни, который в результате должен создать пример для наследования и подражания. На социально озабоченные науки и искусства, привлекаемые как инструментарий созидания общественных ценностей, возлагается время закрепления в ментальности сограждан именно того исторически неизбежного итога, ради которого «стоило жить и работать». Историки и психологи, поэты и режиссеры вяжут нужную этому геополитическому содружеству коллективную картину успешного образа жизни. Неважно, как он называется тут и теперь: американская мечта или повесть о настоящем человеке, общечеловеческие ценности или тысячелетний рейх. Главное, что член сообщества, боспринявший этот образ как свой, обеспечивается ощущением принадлежности к некоей социально весомой традиции, гарантирующей как уверенность в себе, так и признание окружающих. Понимание того, «что такое хорошо и что такое плохо» – это основа и начало любого социума, базирующегося хоть на Декалоге, хоть на Моральном кодексе строителя коммунизма.

И искусство под этим углом зрения становится именно тем каналом достоверной информации, которая создаёт космогонически и эсхатологически непротиворечивую картину мира в данный исторический период. Нам песня, как известно, строить и жить помога-

ет. И потому в любую эпоху доминирующей версией всегда было трактовать литературу как учебник жизни. «Могучее средства идейно-политического и нравственного воспитания народа в духе передовых общественных идеалов» – утверждали советские методисты (Кудряшов, 1981, с. 13). «Художественная литература является своеобразной летописью человеческого общества, могучим орудием человеческой культуры, великим средством воспитания молодого поколения» – вторят им нынешние молодые ученые (Балатукова, 2015, с. 661).

То есть, из этого надлежит сделать вывод о том, что вне зависимости от времени и места литературного процесса сами произведения литературы служат прежде всего объектом для нравственных, психологических и эстетических рефлексий. А большинство существующих педагогических концепций рассматривает литературу именно как плацдарм для дидактической, прежде всего – воспитательной, работы. Вместе с тем доминантной идеей воспитания всегда было достижение жизненного успеха.

И вот тут-то и возникает вопиющее противоречие между дидактическим кредо «человека разумного» (*ἀνθρώπου γραπτός*). Семейное и школьное воспитание во все времена целью своей работы видело достижение благополучия, гармонии, успеха. Произведения литературы в этом контексте служили примером как позитивных, так и негативных героев.

Однако общественный статус самого автора литературных произведений как некоей параллельной, вымышленной действительности является очевидным исключением в парадигме социальных ролей любого общества. Потому что большинство писателей, с античных времен до современности, не были образцом моральности, не достигали материального успеха, более того – и не стремились к этому.

Перечень драматических судеб многих классиков мировой литературы вызывает мысль о том, что литераторы, творя этический и эстетический идеал, свою собственную биографию очевидным образом проживали вопреки написанному. А сопоставительный анализ историко-литературного материала подтверждает, что даже примеры относительно благополучных писательских жизнеописаний парадоксальным образом сопровождают идею того, что творческой личности, «человеку пишущему» житейское благополучие скорее противопоказано.

Сократ (Древняя Греция, 470/469 до н.э. – 399 до н.э.) выпил цикуту по приговору самого демократического суда.

Аристотель (Древняя Греция, 384 до н.э. – 322 до н.э.), величайший ученый и литератор, учитель самого Македонского, умер в изгнании.

Джордж Байрон (Англия, 1788-1824), от матери, в девичестве – Гордон, получивший наследование от шотландского короля Якова, а от двоюродного дедушки – титул лорда, не нашел признания в своем отечестве и умер вдали от родины.

Крестьянский сын *Оноре Бальса* (Франция, 1799-1850) мечтал о высшем свете, потому стал де Бальзаком, женился на польской шляхтянке, вдове уездного предводителя дворянства, не вынес такого счастья и волею божией помре через пять месяцев после бракосочетания.

Шаловливая муза *Роберта Бёрнса* (Шотландия, 1759-1796), наплодившего массу законных и не очень детей, за неделю до смерти чуть было не приведшая поэта в долговую тюрьму, не спасла его от ревмокардита и дифтерии, спровоцированных тяжелым физическим трудом.

Наркоман и сифилик *Шарль Бодлер* (Франция, 1821-1867) был похоронен безмянным в могиле ненавистного отчима.

Автор «Декамерона» *Джованни Боккаччо* (Италия, 1313-1375) по зрелом размышлении отрёкся от прославившего его детища, мечтая о том, чтобы все о нем забыли.

Конечно, был ещё и *Марон Пудлий Вергилий* (Древний Рим, 70 до н.э. – 19 до н.э.), вовремя подсуетившийся около мецената по фамилии Меценат, за что получил и домик в деревне, и офис в столице. Но за это ему пришлось всю свою творческую жизнь прославлять верховного главнокомандующего, восхищаться лично товарищем Меценатом, сочинять (в плохом значении этого слова) историю своей страны, в которую так никто и не поверил. Украинцы потом из нее пародию сделали. Получилось не намного смешнее, чем у Вергилия.

Поль Верлен (Франция, 1844-1896) прожил как для поэта долгую жизнь, в которую успел вместить чуть ли не все возможные извращения, принятые в поэтическом кругу: хронический алкоголизм, бегство из семьи, наркотики. Особую прелесть, вознёсшую его на поэтический Олимп, познал он, изведав остроту и твёрдость естества молодого гения Артюра Рембо, ни в грош не ставящего

свою бородатую жену, за что Верлен стрелял в «инфернального супруга», получил за это два года тюрьмы и досуг для написания лучшей книги стихов. Кончил жизнь в нищете и болезнях. Рембо – тоже.

Франсуа Вийон (Франция, 1431-1463) положил начало «линейке» так называемых «проклятых» поэтов. Драка, убийства, кражи со взломом чередуются в его жизни с поэтическими турнирами и отсижками в тюрьме. Пока власти города Парижа не выпроводили творческую личность за пределы столицы.

Франсуа-Мари Вольтер (Франция, 1694-1778) за первое же произведение получил гонорар в виде года отсидки в Бастилии. После чего автора выгоняют из Франции, а когда он имел смелость вернуться, то его очередную книгу по решению парламента торжественно сжигают на площади. После такого горячего приёма Вольтер снова покидает родину, а после лет изгнания наконец возвращается, чтобы практически сразу умереть.

Нацизма в Германии 19 века еще не было, а беглецы от политического режима – уже были. В возрасте Иисуса Христа *Генрих Гейне* (Германия, 1797-1856) въезжает в Париж, чтобы уже никогда не вернуться на родину. Впрочем, жилось ему в прекрасном далеке не так уж сладко: последнее десятилетие жизни провёл парализованным «в матрацной могиле».

Случай *Джона Голсуорси* (Англия, 1867-1933) – крайне редкое исключение благополучной писательской судьбы. Зажиточная семья, единственный сын, эксклюзивная школа, Оксфорд, 20 романов, 27 пьес, всемирная слава, вишенка на торт – Нобелевская премия за год до смерти.

Эрнст Теодор Амадей Гофман (Германия, 1776-1822), родившись в Пруссии, практически всю жизнь проблуждал по территории распавшейся на фрагменты Польши, занимаясь то юриспруденцией, то музыкальным сочинительством, то дирижерством, лишь в возрасте Христа затеял писательскую карьеру. Насмотревшись в зале суда на всевозможные жизненные каверзы, сочинял такие жуткие сюжеты, от которых сам приходил в ужас. Умер, пребывая в жесточайшей опале.

Квинт Гораций Флакк (Древний Рим, 65 до н.э. – 8 до н.э.) открыто не любил своих читателей, брезговал ими, потому что основную часть произведений писал по заказу императора Августа и примкнувшего к нему олигарха Мецената, их же и воспевая

в одах, форму которых довёл до совершенства. О чём не преминул упомянуть в бессмертном творении «Памятник».

Виктор Мари Гюго (Франция, 1802-1885) – сын наполеоновского генерала, явно страдавший всю жизнь какой-то разновидностью эдипова комплекса, испробовал свои силы практически во всех родах и жанрах литературы (кроме юморесок). Не подающееся учёту количество раз менял политические взгляды и страны проживания. Родина его неоднократно награждала и изгоняла. В памяти потомков остался как повод для написания музыкального хита «Белль».

Данте (Дуранте) дельи Алигьери (Италия, 1265-1321) всю жизнь любил соседскую девушку Беатриче, написал об этой любви целую книгу, но женился на дочери политического врага. Начал было успешную политическую карьеру, но был изгнан победившими соперниками. На родину так и не вернулся, потому что условием возвращения было публичное унижение. Взбешённый крахом своих устремлений, написал политический памфлет, где всячески поиздевался над торжествующим врагом, который благодарные потомки прочли как космогоническую поэму – «Божественная комедия».

Даниель Дефо (Великобритания, 1660-1731) сын лавочника и сам лавочник, всю жизнь был вынужден приспособливаться, меняя многожды политические одежды, восхваляя в печати короля-оккупанта, подрабатывая агентом полиции. Стоял по приговору суда у позорного столба. Сидел в тюрьме. Умудрился на досуге сочинить более пятисот произведений, оставшись в памяти читателей автором «Робинзона Крузо». Удручённый семейными раздорами и финансовыми проблемами умер в чужом доме.

Чарльз Джон Хаффем Диккенс (Великобритания, 1812-1870) отказался от предложения королевы получить дворянское звание, однако с энтузиазмом принял звание национального писателя Англии. Триумфально объехал Америку с чтением своих книг, после чего обругал американцев за неправильный образ жизни. Считался моральным авторитетом, но бросил жену с десятью детьми, найдя утешение в женщине, на двадцать пять лет младшей. Был живым классиком, но почти сразу после смерти впал в скептическое забвение на родине.

Сэр Артур Игнейшус Конан Дойл (Великобритания, 1859-1930) – парадоксальным образом дипломированный медик, масон и религиозный спиритуалист в одном лице. Увлечённый феноменом одного знакомого уникама, на скорую руку написал цикл расска-

зов о Шерлоке Холмсе. Потом всю оставшуюся жизнь стремился выбить из восприятия читателей этот, по его мнению, самый неудачный эпизод его творческой биографии. Писал фантастические и исторические романы, был рьяным публицистом и политическим деятелем. Несмотря на тома написанного остался автором приключений детектива-любителя и врача-графомана.

Теодор Герман Альберт Драйзер (США, 1871-1945) после публикации первого романа «Сестра Керри» был обвинен в безответственности, объявлен позором Америки и выброшен из литературного процесса. За это заимел на родину зуб, выждал, когда скандал утихнет, написал цикл романов, изобличающих американский образ жизни, вступил в американскую компартию и помер.

Александр Дюма-отец (Франция, 1802-1870) был одним из самых плодовитых писателей, зарабатывал бешеные по тем временам деньги, но из-за собственной безалаберности и ловкости шустрых друзей окончил жизнь в нищете.

Эмуль Золя (Франция, 1840-1902), задавшись целью шокировать и эпатировать читающую публику «эпохи безумия и позора» своими сугубо натуралистическими картинами жизни как буржуа, так и пролетариев, весьма в этом преуспел. Практически каждая его книга сопровождалась воплями протеста и требованиями прекратить разврат. За вмешательство в скандальное «дело Дрейфуса». Золя был приговорён к штрафу и тюремному заключению, чего дожидаться не стал – и покинул необлагодарную отчизну. Умер при невыясненных обстоятельствах, скорее всего – усилиями власти, изнемогшей от слишком шумного литератора.

Александр Николаевич Радищев (Россия, 1749-1802) дослужился до должности начальника Санкт-Петербургской таможни, имел шанс неплохой карьеры, но ... издал анонимно книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», каковая удостоилась от Екатерины II рецензии – «автор – бунтовщик, хуже Пугачёва» и соответствующего гонорара: смертная казнь, милостиво заменённая десятилетней ссылкой в Илимский острог. По окончании ссылки получил шанс реабилитироваться, но сочинил конституционный проект, содержащий различные благоглупости (свобода печати, всеобщее равенство), на что ему было строго указано. Александр Николаевич не выдержал начальственного целомудрия, пошёл домой и помер.

Вряд ли у кого-то повернётся язык сказать, что день, когда *Александр Сергеевич Пушкин* стоял на Черной речке под

дулом пистолета Жоржа Дантеса – это апофеоз его жизненного пути.

И дуэль отставного майора Николая Мартынова с поручиком Тенгинского полка *Михаилом Юрьевичем Лермонтовым* – также трудно назвать идеалом успешной биографии.

И *Тарас Григорьевич Шевченко*, в сакраментальном возрасте 33-х лет добившийся от царя-батюшки ссылки в Отдельный Оренбургский корпус рядовым солдатом с запретом писать и рисовать, а от революционного демократа неистового *Виссариона Григорьевича Белинского* отзыва: «Мне не жаль его, будь я его судьей, я сделал бы не меньше», скорее всего не об этом мечтал в своем босом детстве.

Драматические, а зачастую и трагические судьбы *Овидия* и *Мольера*, *Свифта* и *Сервантеса*, *Оскара Уайльда* и *Эдгара По*, *Джека Лондона* и *Эрнеста Хемингуэя*, *Сергея Есенина* и *Владимира Маяковского* позволяют высказать предположение о том, что учителю литературы, как здравомыслящему участнику образовательного и воспитательного процесса, следовало бы поменьше уделять внимания на биографии писателя, восприняв как аксиому концепцию Ролана Барта, известную под названием «Смерть автора», согласно которой создатель текста и сам текст не имеют друг к другу никакого отношения.

Давно не секрет, что властители и судьи, творцы моральных кодексов сами никогда не следовали заветам, выбитым на скрижалях, предпочитая бдильничать за их исполнением и карать за непослушание. Так и творцы параллельных вселенных, инженеры человеческих душ, обучая отделение зёрен от плевел, сея разумное, доброе, вечное, никак не попадали в резонанс с собственными творениями.

Некая аномальность, отъединяющая «писателей» от «читателей», хищников от травоядных, флору от фауны вызывает побуждение определить «человека пишущего» в некий особый подкласс «человека разумного». «*Ἄνθρωπος γραπτός*» – не «тварь дрожащая», он «право имеет», в том числе – и на образ жизни, прямо противный здравому смыслу и инстинкту самосохранения. Читатели могут делать что угодно: варить сталь, варить борщ, курить бамбук, ... заниматься литературоведением. Писателям сложнее, они могут только писать.

Как это происходит – никто не знает. В том числе – и сами писатели. Видимо, это определено неким физиологическим дефектом.

Есть какой-то не выявленный до сих пор медициной орган, выделяющий некую эманацию, воздействующую в свою очередь на конкретную писательскую особь, которая начинает творить ... И преобразовать мир. Существующий в этой terra incognita поэт, входящий в состояние вдохновения, должен включать вот этот самый не ведомый науке орган, исторгающий высокую поэзию, а вовсе не память, в которой якобы хранятся сведения о законах создания литературного произведения. Нету таких законов, и не было никогда. О них знают только и исключительно литературоведы. А это уже информация для служебного пользования и разглашению, следовательно, не подлежит.

Библиография

- Кудряшов, Н. И. (1981). *Взаимосвязь методов обучения на уроках литературы: пособие для учителя*. Москва: Просвещение.
- Балатукова, З. И. (2015). „Роль художественной литературы в воспитании молодого поколения”. В: *Молодой ученый*, №15

*Correspondence concerning this paper should be addressed to Dr. Aleksandr Glotov, Associate Professor in Literature – a faculty member of the Slavic Department (The State School of Higher Education in Chetm, Poland).
E-mail: algall@ukr.net*